

УДК 141.2/323.285/32.019.5

СОВРЕМЕННЫЙ АНТИСИСТЕМНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ПРОСИСТЕМНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Н. Е. Лукьянов

Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск)
lukjanoffnick@yandex.ru

А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. На основе миросистемного подхода и концепции сфер социально-исторического бытия Н. С. Розова в работе предпринята попытка наддисциплинарного анализа роли современных средств массовой информации (СМИ) в деятельности террористических организаций. Описание проекций терроризма в сферах социально-исторического бытия (биотехносфере, социосфере, культуросфере, психосфере) позволило глубже выяснить онтологию антисистемного терроризма, уяснить механизмы взаимодействия терроризма и СМИ, их влияние на общество. Антисистемные террористические организации могут иметь собственные СМИ, но наиболее широкую аудиторию они получают, попадая в новостные сообщения просистемных телеканалов. Защищая ценности геокультуры включенных в миросистему обществ, просистемные СМИ, с одной стороны, стигматизируют терроризм как зло, что в психосфере отражается как нарастание страха в общественном сознании, с другой стороны, в своих сообщениях они вынуждены осуществлять рационализацию террористической деятельности. Если страх вынуждает общество оказывать давление на правительство, что соответствует целям террористов, то рационализация ведет к появлению различных форм поддержки террористов со стороны отдельных членов общества или слоев населения, особенно в условиях низкой легитимности власти.

Ключевые слова: социальная онтология, миросистема, антисистемный терроризм, средства массовой информации, средства вооруженного насилия, эффект CNN.

Для цитирования: Лукьянов, Н. Е., Изгарская, А. А. (2023). Современный антисистемный терроризм и просистемные средства массовой информации в структуре социальной онтологии. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 1. С. 103-116. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.103-116

MODERN ANTI-SYSTEM TERRORISM AND PRO-SYSTEM MASS MEDIA IN THE STRUCTURE OF SOCIAL ONTOLOGY

N. E. Lukyanov

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk)
ivanl1t@yandex.ru

A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com

Abstract. The article attempts a supra-disciplinary analysis of the role of modern mass media (media) in the activities of terrorist organizations. The theoretical and methodological basis was the world-system approach and the concepts of social ontology by N. S. Rozov. The description of the projections of anti-system terrorism through the spheres of socio-historical existence (biotechnosphere, sociosphere, cultural sphere, psychosphere) made it possible to better understand the ontology of terrorism and identify the mechanisms of interaction between it and the media, as well as their combined effect on society. Anti-system terrorist organizations may have their own media, but they get the widest audience by getting into the news reports of pro-system TV channels. The pro-systemic media defending the values of the geoculture of the societies that make up the world system, on the one hand, stigmatize terrorism as an evil, which is reflected in the psychosphere as an increase in fear in the public mind. On the other hand, the media in their messages are forced to rationalize terrorist activities. If fear forces society to put pressure on the government, which is the goal of terrorists, then rationalization leads to the emergence of various forms of support for terrorists by some members of society or segments of the population, especially in conditions of low legitimacy of power.

Keywords: social ontology, world-system, anti-systemic terrorism, mass media, means of armed violence, CNN effect.

For citation: Lukyanov, N. E., Izgarskaya, A. A. (2023). Modern Anti-System Terrorism and Pro-System Mass Media in the Structure of Social Ontology. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 1. pp. 103-116. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.103-116

Терроризм является предметом исследования многих социальных и гуманитарных наук (социологии, политологии, права, психологии, военных наук и др.), что находит отражение в разнообразии тем и аспектов исследования роли средств массовой информации (СМИ) в деятельности террористических объединений. Сразу отметим, что за рубежом в науке встречаются противоположные оценки роли СМИ в эффективности террористической деятельности. Часть исследователей, например, П. Уилкинсон [Wilkinson, 1997], Б. Хоффман [Hoffman, 2003], А. Перешин [Perešin, 2007], С. А. Кенечукву, Э. С. Асемах, Л. О. Н. Эдегох [Kenechukwu, Asemah, Edegoh, 2013] считают, что между СМИ и терроризмом существует тесный симбиоз, и без информационного сопровождения террористическая деятельность не имела бы глобального эффекта. Общий тезис этой группы ученых заключается в том, что медиаиндустрия ориентируется на сенсации, как условие повышения рейтинга и расширения аудитории. Террористические организации способны предоставлять такие сенсации и посредством СМИ обеспечивать себе проникновение в сознание широких масс, получая не только огласку, но и поддержку. Другая группа исследователей, например, У. Лакер, К. Уолл [Laqueur, 1987; Laqueur, Wall, 2018], М. Вевиорка [Wieviorka, 1993], считают, что СМИ играют вторичную роль и лишь способствуют достижению террористами поставленных целей. Попытаемся подойти к проблеме, осуществив анализ взаимосвязей терроризма и СМИ, опираясь на миросистемный анализ (И. Валлерстайн) и концепцию социальной онтологии Н. С. Розова.

Под терроризмом будем понимать «нелегитимное политическое противостояние в борьбе за власть с применением средств насилия в целях устрашения или физического устранения противника» [Изгарская, Лукьянов, 2021, с. 8]. Миросистемный анализ позволяет увидеть терроризм как не только как антисистемную, но и как просистемную деятельность. В качестве антисистемной деятельности терроризм порождается противоречиями развития миросистемы и направлен на слом существующего в ней порядка в целом, а также на насильственное изменение порядка в ее отдельных структурных элементах (государствах

ядра, полупериферии, периферии)¹. Просистемный терроризм, напротив, предполагает деятельность, направленную на защиту существующего порядка, но средствами, выходящими за рамки международного права. Под просистемными СМИ будем понимать СМИ, способствующие распространению геокультуры – глобальной идеологии, а именно совокупности транслируемых ядром либеральных ценностей (демократия, равенство, права человека), обеспечивающих свободу передвижения капитала и товаров в миросистеме, а также оправдывающих методы и результаты функционирования капиталистической мир-экономики. Также будем исходить из того, что «в любой миросистеме всегда есть люди и группы, которые полностью или частично отвергают геокультурные ценности, и даже те, кто борется против них» [Валлерстайн, 2020, с. 189].

Терроризм является сложным явлением и его сущностные характеристики, проявления и модусы могут быть описаны при помощи концепции социальной онтологии Н. С. Розова [Розов, 2002, с. 150-151]. Описание проекций терроризма в сферах социально-исторического бытия (биотехносфере, социосфере, культуросфере, психосфере) позволит глубже выяснить онтологию терроризма, уяснить механизмы взаимодействия терроризма и СМИ, их влияние на общество.

Под *биотехносферой* понимается «биологическая природа индивида и популяции, окружение живой и неживой природы, часто материальные аспекты техники, производства и их последствий» [Розов, 2002, с. 150]. Соответственно этому определению терроризм проявляет себя в материальном мире посредством индивидов и групп, способных вести террористическую деятельность, а также средств осуществления насилия и устрашения (холодное, огнестрельное, химическое, бактериологическое, ядерное оружие, взрывные устройства и др.). Материальными результатами терроризма являются разрушенные здания, взорванные транспортные средства, мертвые, раненые, отравленные люди, непригодная для жизни и требующая восстановления среда и т. д.

Несмотря на существующие в науке разногласия, обращает на себя внимание существование некоторой синхронности в использовании терроризмом развивающихся материальных средств насилия и средств передачи информации. Развитие материальных средств насилия меняло характер, способствовало росту смертоносности терроризма. Развитие СМИ приводило к качественным изменениям его возможностей информационного влияния на массы. Качественные изменения в терроризме, происходящие под влиянием СМИ, Б. Хоффман назвал «тремя великими революциям», а само взаимодействие терроризма и СМИ – «симбиотическим» [Hoffman, 2003]. Для того, чтобы увидеть отмеченную синхронность, обратимся к этапам развития терроризма, описанных Д. Ч. Рапопортом.

Д. Ч. Рапопорт, исследуя историю терроризма, обращает внимание на то, как в эпоху «прототерроризма» такие древние религиозно-ориентированные группы, как Сикарии (Зилоты), Тхаги, Ассасины, ориентируясь на некую трансцендентную цель, использовали ножи и удавки, при этом выбор оружия носил ритуальный характер, а не диктовался потребностью в удобстве и скрытности [Rapoport, 1984]. Информация о деятельности групп периода прототерроризма распространялась посредством «сплетен в тавернах, улицах и рынках» [Wilkinson, 1997, p. 51].

¹ В этом плане следует отметить типологию террористических организаций, предложенную представителями миросистемного подхода О. Лизардо и А. Бергесеном [Lizardo, Bergesen, 2003].

В современном терроризме Д. Ч. Рапопорт выделяет четыре волны [Rapoport, 2001]. Первая волна начинается в 1879 г. с возникновением в России организации «Народная воля». В биотехносфере характер террористических организаций этого периода определяли револьвер, динамит, печатная машина и развитие сети железных дорог. Террор рассматривался как средство достижения главной цели – поднятия стихийных народных восстаний и изменения политического строя. Этот период характеризуется использованием короткоствольного стрелкового оружия с вращающимся барабаном – револьвера. Компактность, хорошая скрытность, дешевизна, многозарядность револьвера, обеспечивающего прицельный огонь, и большая поражающая сила динамита способствовали эффективности акций террористических групп по физическому устранению конкретных лиц, представителей закона, олицетворявших господствующий режим. Появление в XIX в. печатной машины вызвало в терроризме «первую революцию» (по Б. Хоффману), поскольку теперь террористы обрели возможность быстро и в необходимых объемах производить газеты, журналы, листовки и транслировать свои идеи широкой аудитории. XIX в. снабдил террористические группы еще одной важной инновацией, повышавшей их мобильность и эффективность. Таковой стала бурно развивающаяся сеть железных дорог, которая со временем позволила размещать основные базы террористов за границей, а также осуществлять поставки вооружения и печатных материалов из других стран [Rapoport, 2008, pp. 37-38]. Так, известно, что с 1879 г. по 1885 г. 12 номеров партийного журнала «Народная воля» были изданы в Российской империи, с 1883 г. по 1886 г. 5 номеров «Вестника Народной Воли» вышли за рубежом.

Характерными элементами биотехносферы второй (1914–1960 гг.) и третьей (1960 – нач. 1980 гг.) волн современного терроризма стали автоматическое оружие, автомобили, самолеты (вертолеты), телевидение. Вторая волна, как утверждает Д. Ч. Рапопорт, началась в промежутке между двумя мировыми войнами и достигла пика в течение двух десятилетий после Второй мировой войны. Она охватила колониальные территории западных метрополий, правительства которых задействовали против террористов воинские и полицейские подразделения [Rapoport, 2008, p. 34]. Большое количество оружия, оставшегося от войны, позволило небольшим террористическим группам вести локальные боевые действия против полицейских и военных формирований. Практика убийства людей, являвшихся политическими символами режима, была заброшена, основной удар террористов был перенесен на офицерский состав и членов офицерских семей, а также объекты военной и позже гражданской инфраструктуры. Развитие автотранспорта и легкой авиации сделали удаленные от центров подразделения террористов более мобильными, а их снабжение доступным. В третьей волне терроризма практика убийств остается, но не играет значительной роли, новой тактикой становится захват заложников и угон самолетов [Rapoport, 2008, p. 34]. Помимо этого, развитие авиации повлекло появление международной кооперации между различными группами. Например, палестинские учебные лагеря принимали для обмена опытом представителей европейских террористических групп (в частности, «Фракцию Красной армии» и «Красные бригады»). Широкое распространение к началу 1960-х гг. черно-белых телевизоров приводит к тому, что телевидение начинает формировать общественную повестку, использование терроризмом телевидения Б. Хоффман называет «второй великой революцией» [Hoffman, 2003]. Следует отметить, что в условиях

борьбы народов за независимость и противостояния двух систем, решая задачи идеологической пропаганды, противоборствующие государства не только поддерживали террористические группировки, но способствовали широкому распространению в СМИ контента с террористической тематикой, героизируя одних террористов и демонизируя других.

Четвертую волну терроризма Д.Ч. Рапопорт назвал «религиозной» (1980 г. – настоящее время) [Rapoport, 2016, p. 224]. Данное название отражает идеологическую особенность деятельности террористических группировок. В науке есть другое название терроризма настоящего этапа – «масс-медиа-ориентированный» [Perešin, 2007, p. 6]. Биотехносфера этой волны отличается от предыдущих волн наличием большого количества террористов-смертников, повышенной доступностью химического, бактериологического, биологического оружия, всемирной информационно-коммуникационной сети Интернет, новостных телеканалов непрерывного круглосуточного вещания, в первую очередь «Cable News Network» (CNN), социальных сетей [см.: Asongu, Nting, Izegbua, 2019] и видеохостингов. Террористических групп стало меньше, однако их эффективность и смертоносность возросла. Теперь средствами насилия являются не только оружие (автоматическое, переносные зенитно-ракетные комплексы и др.) и взрывные устройства, в руках террориста-смертника таковыми могут стать автомобиль или самолет, направленные на объекты военной или гражданской инфраструктуры. Помимо этого террористам становятся доступными средства химического и биологического поражения. Ярким примером здесь может быть распыление в 1995 г. японской группой «Аум Синрике» в метро г. Токио нервно-паралитического газа. Следует также отметить, что вследствие распада СССР появляется опасность использования террористами ядерного оружия. Третья революция терроризма – информационная, состоявшаяся в конце XX в., – приводит к появлению «эффекта CNN» [Hoffman, 2003, p. 122]. Ведущим средством передачи информации о террористических актах становится телевидение, оно определяет новостную повестку, поскольку «навязывает свои искажения остальным средствам информации, начиная с увлечения картинками и основной идеей о том, что только визуально воспринимаемое заслуживает быть новостью» [Kenekwue, Asemah, Edegoh, 2013, p. 98]. Яркость, динамизм видеоряда способствуют лучшему восприятию подаваемой информации и, как результат, росту рейтинга телеканала. Б. Бахадор, описывая трансляцию CNN в прямом эфире событий войны в Персидском заливе в январе 1991 г., отмечает, что «многие изображения этого конфликта, такие как трассирующий ночной огонь над Багдадом, бомбардировка убежищ, дорога смерти и послевоенный кризис курдских беженцев, стали культовыми изображениями, навсегда связанными с эффектом CNN» [Bahador, 2011, p. 40]. Программы телеканалов непрерывного вещания начинают влиять на принятие решений правительствами и международными организациями.

Еще одним следствием «третьей революции» в терроризме стал кибертерроризм. Ученые не сформировали единой позиции относительно вопроса существования кибертерроризма. Одни, например, П. Баньяш, признают существование террористов, которые пользуются сетью Интернет, но отрицают существование кибертерроризма как самостоятельного вида. Они указывают, что в политической риторике часто происходит подмена понятий, понятием «кибертерроризм» называют «кибершпионаж – разведывательную деятельность государств или игроков рынка, осуществляемую

на ИТ-инструментах» [Bányász, 2018, p. 48]. Другие, например, А. Аль-Раби и Дж. Грошек, указывают, что пространство Всемирной паутины может стать перспективным пространством для терроризма. Они отмечают: «В связи с нарастающим поражением и потерей территории ИГИЛ, ожидается, что террористическая группировка будет продолжать процветать онлайн и менее оффлайн» [Al-Rawi, Groshek, 2018, pp. 9-10].

Новым основанием развития антисистемного терроризма может стать сочетание социальных сетей и беспилотных авиационных систем (БАС). Глобальная война с терроризмом после 11 сентября 2001 г. способствовала увеличению использования БАС. В настоящее время дроны широко используются как для отслеживания и нанесения ударов по террористам, так и в вооруженных конфликтах между государствами. Например, «нынешний российско-украинский конфликт называют “первой полномасштабной войной беспилотников”» [Global Terrorism Index, 2023, p. 72]. Развитие технологий БАС приводит к их удешевлению и относительной простоте управления, что делает их привлекательными для террористов.

Связь с *психосферой* проявляется в содержании понятия «терроризм», восходящем к латинскому «terror», – страх, ужас. Страх – это сильная отрицательная эмоция, которая запускается как неуправляемая сознанием реакция на стресс. Терроризм в психосфере – в первую очередь это страх, вызванный столкновением с агрессией человека, несущего небытие себе и другим, как наказание за кажущееся ему несовершенство реального мира. Это столкновение с нуминозным, иррациональным, неуправляемым, фатальным, но требующим от человечества движения или назад, к утраченным по чьей-то вине ценностям, или вперед – к новым идеалам. Попытки увидеть рациональные предпосылки в поведении террориста-смертника – человека, способного переступить через страх перед собственной и чужой смертью, – часто оказываются безуспешными и приводят к образу фанатика, психически нездоровой личности. Неслучайно в политической риторике и просистемных СМИ по отношению к терроризму часто используется антропоморфная метафора, редуцирующая сущность терроризма или к явлению биотехносферы, или психосферы, «терроризм – это болезнь». Среди антропоморфных метафор, по данным Е. В. Васеневой, А. С. Рябковой, ее доля составляет 77 % [Васенева, Рябкова, 2017, с. 19]. В политическом дискурсе метафору «терроризм – болезнь» исследует А. Спенсер. Он отмечает: «Здесь дискурс конструирует терроризм как “жуткую”, “злбную чуму” или как “безумие”, совершаемое “душевнобольными” “психопатами”. Встречается ряд метафорических выражений, определяющих террориста как “сумасшедшего”, например, к террористам часто применяют такие метафоры, как “безумцы”, “лунатики” или “психи”, а терроризм определяют как “тошнотворное” и “невменяемое” “бешенство”. Террористы считаются “чокнутыми самоубийцами” или “сумасшедшими фанатиками”, которые были “заражены” “духовным ядом” и теперь “заражают” мир» [Spencer, 2012, p. 409]. С террористами не имеет смысла вести переговоры «о прекращении огня», поскольку у них «отсутствует способность к рациональному мышлению» [Ibid].

Обращает на себя внимание, что подобные характеристики возникают в результате постановки акцента на личности террориста и результатах его деятельности, а не на порождающих терроризм причинах. Распространяемый СМИ образ «помешанного» способствует формированию условного рефлекса страха в массах. Чувство общей экзистенциальной опасности работает на сплочивание людей вокруг государства,

обладающего *высоким уровнем легитимности*. Однако, как бы не стремились СМИ стигматизировать терроризм, культивируя в сознании людей образ «террориста-психопата», в действительности они этот образ разрушают, поскольку вынуждены его рационализировать, а именно объяснять причины агрессии, находить мотивы, описывать политический, социальный, культурный контексты. Такая рационализация активизирует сознание людей. У ряда лиц и даже слоев населения это может пробуждать сочувствие к террористам как «к борцам за независимость», «поборникам справедливости», «защитникам истинной веры», «карающему мечу возмездия» и др. Помимо этого, как отмечает А. Перешин, СМИ способны ненамеренно обнаруживать «человечность» террористов, например, показывая видеоролик о том, как террористы отпускают из числа захваченных заложников беременных женщин, детей, стариков, или сообщая о том, что террористы требуют для заложников лекарства или продукты питания [Perešin, 2007, p. 20]. Если *правительство нелегитимно*, не пользуется доверием у местного населения, то террористы могут надеяться на большую поддержку и чувство солидарности независимо от оценок, которыми наделяют их деятельность просистемные СМИ.

Культуросферу Н. С. Розов определяет как «пространство образцов (в смысле Кребера), отчуждаемых от человека и передающихся из поколения в поколение» [Розов, 2002, с. 150]. Для того, чтобы сделать понятие культуросферы более операциональным, будем использовать определение культуры, данное И. Валлерстайном. Под культурой И. Валлерстайн понимал «систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убеждать членов общества в его легитимности» [Валлерстайн, 2020, с. 189]. СМИ служат широкой трансляции таких ценностей и правил, а антисистемный терроризм их отвергает.

Для любой культуры базовыми образцами являются бинарные представления о добре и зле. В политической риторике и в содержании информационных сообщений просистемных СМИ терроризм предстает как воплощение зла. Борьба государства с терроризмом транслируется СМИ как борьба добра со злом. Реальное содержание мотивов террористической деятельности и ведения переговоров с террористами в таком случае не рассматривается, поскольку это не только не имеет смысла, но и греховно. А. Спенсер отмечает: «Дихотомия между своей и чужой группой является религиозной и духовной, когда “добро” изгоняет “зло” из морального порядка, установленного самим добром. В то время как концептуальная метафора “терроризм-война” подразумевает возможность нейтралитета, предикация терроризма как зла исключает этот вариант. Дихотомия добра и зла не оставляет места ни для чего посередине» [Spencer, 2012, p. 405].

Рожденная в ядре политическая риторика призыва к борьбе с терроризмом может трансформироваться в сообщениях СМИ стран полупериферии и периферии в соответствии с культурными образцами этих обществ. Так, например, Д. Омага исследовал карикатуры, связанные с глобальной войной США и их союзников с терроризмом, в СМИ Кении. Он пришел к выводу, что используемые в западных публикациях метафоры «уничтожение варварских режимов», «борьба со злом» и др. вызвали неодобрение среди кенийских читателей. Необходимость соответствовать культурным образцам конкретного локального общества приводит к изменению риторики, «борьба с варварским режимом» заменяется

«освобождением народа Афганистана от угнетения», а «война с дикарями» – на «хирургически точную операцию по удалению Аль-Каиды (запрещена на территории РФ) из мусульманского общества, не нанося ему вреда» [Omanga, 2012].

Следует обратить внимание и на то, что широко распространенные метафоры «терроризм – варварство» и «терроризм – нецивилизованное зло» не соответствуют реалиям, поскольку «примерно две трети идентифицированных террористов – люди с университетским образованием, выпускники университетов или аспиранты» [Krueger, Malecková, 2003, p. 144]. Такой социальный состав террористических группировок А. Крюгер и Й. Малечкова объясняют тем, что именно молодежь из среднего и высшего классов способна более всего проявлять интерес к политике и вписываться в среду чужого общества при подготовке терактов. Участие элит в процессе борьбы за национальную независимость может превращать терроризм в традицию и антисистемную культуру, передающуюся от поколения к поколению, яркими примерами здесь могут быть противостояние Северной Ирландии центральному правительству Великобритании.

В *социосфере* терроризм проявляет себя как результат крайней политической поляризации общества в борьбе за власть. Социосфера отражает взаимодействие терроризма и СМИ на разных социетальных уровнях. Появление эффекта CNN четко обнаружило способность СМИ оказывать влияние на процессы *глобального уровня*. При этом обращает на себя внимание ангажированный характер подбора материала для новостных сюжетов. Так, например, конфликт в Косово (обострение в 1998 г.) может быть примером эффекта CNN в действии, поскольку результатом стало вмешательство в конфликт в 1999 г. стран Запада. С другой стороны, события в Руанде, несмотря на фактически творившийся там в 1994 г. геноцид, не получили должного освещения.

Изменения в способности крупнейших СМИ определять мировую информационную повестку последовали после террористической атаки 11 сентября 2001 г. Одним из результатов данного события стало то, что СМИ, как отметил Б. Бахадор, «больше не влияли на повестку дня, а следовали ей» [Bahador, 2011, p. 38]. Информационная повестка в большей мере стала определяться борьбой США и их союзников с терроризмом. Например, сочувствующий чеченскому народу стиль в западных публикациях периода первой чеченской компании часто объясняют большей открытостью и гостеприимностью по отношению к журналистам командиров боевиков и нелюдимостью, закрытостью офицерского состава федеральных войск России [Тумаков, 2018, с. 102]. Однако после терактов 11 сентября 2001 г. и с началом военной кампании США в Афганистане стиль и риторика новостных сообщений о второй чеченской войне поменялась. Опубликованные данные о деятельности Аль-Каиды (запрещена на территории РФ) в Чеченской республике и прямые террористические акты против мирного населения поменяли риторику западных СМИ, теперь Россия рассматривалась как одна из стран-участниц глобальной войны с терроризмом.

М. Джеттер, изучая эффект CNN, установил, что информация о террористическом акте с большей вероятностью привлечет внимание глобальных СМИ, если будет большое количество смертей; акт осуществит террорист-смертник (при прочих равных условиях); событие произойдет вблизи границ США или их союзников, на территории страны с развитой экономикой, ресурсно-богатой или обширной страны (в последнем случае

с большим количеством жертв)². В сообщениях СМИ, как правило, излагается информация о количестве смертей, применяемом оружии, целях произведенной атаки, наличии религиозных мотивов, названии террористической организации, взявшей на себя ответственность [Jetter, 2014, pp.9-11]. Террористы способны подстраиваться под формируемый запрос со стороны глобальных СМИ. М. Джеттер в этом плане отмечает: «Кажется, что террористы, как и любые другие люди, реагируют на стимулы, что в данном случае означает повышенное внимание средств массовой информации» [Ibid, pp.3-4]. Ориентируясь на запрос СМИ, терроризм получает средства глобального уровня для пропаганды своих целей.

На сегодняшний день, как результат длительной глобальной войны Запада с терроризмом и усиления средств антитеррористического контроля, отмечается снижение террористической активности в странах ядра и увеличение атак в других регионах мира [см. подробнее: Global Terrorism Index, 2023], что сопровождается смещением акцента внимания СМИ на военный конфликт в Восточной Европе.

На *макроуровне* и *мезоуровне* интересные результаты можно получить, сопоставив связи терроризма и СМИ в «закрытых» и «открытых» обществах. В терминах миросистемного анализа понятие «открытое общество» обозначает общество, чья экономика встроена на уровне сетей неравного обмена в мировую систему разделения труда. Это самая большая группа обществ, т. к. в нее входят и общества ядра, и полупериферии, и периферии. Условия развития и функционирования СМИ в этих обществах неодинаковые. В обществах ядра, как правило, СМИ пользуются принципом свободы слова, обладают относительной самостоятельностью, развиваются в условиях конкуренции. Государство таких обществ будет стремиться достичь компромисса с антисистемными организациями и превратить их в часть системы. Там, где компромисс невозможен, как в большинстве случаев с террористическими организациями, государство применяет репрессивные методы. Демократические государства ограничены в применении средств в борьбе с терроризмом. Помимо этого СМИ обладают существенной властью, поскольку демократия предполагает политическую борьбу за власть, и освещение террористического конфликта в СМИ может укрепить позиции одних политических партий и подорвать легитимность других. Часто СМИ становятся невольными рупорами террористических организаций.

В «открытых» обществах полупериферии и периферии уровень свобод СМИ ограничивается формой политического режима, который установился в процессе подключения общества к мир-экономике и обеспечивает стабильность сетей неравного обмена с ядром. Здесь политический режим и условия функционирования СМИ могут быть далекими от параметров демократии. Например, Чили в эпоху А. Пиночета должно быть отнесено к обществам «открытой» периферии.

«Закрытые общества» функционируют относительно автономно от мировой системы разделения труда. Их сети неравного обмена с мир-экономикой частично разорваны, а государство проводит антисистемную политику. Такое государство само способно использовать террор, проводя массовые репрессии, «чистки», борясь с инакомыслием. Группы, оказывающие сопротивление государству, включая террористические, здесь часто

² В качестве примера в пользу указанных М. Джеттером факторов отметим, что первая чеченская война в западной прессе определялась как война сепаратистов и федеральных войск России, понятие «терроризм» начинают использовать после захвата более 1200 заложников в Буденновске (1995).

являются носителями просистемных идеалов. СМИ находятся под жестким контролем государства. Успешные террористические акты, как любое геополитическое поражение, способны снизить легитимность правительства, поэтому они или замалчиваются, или подконтрольные государству СМИ искажают информацию в соответствии с потребностями текущего момента.

Следует отметить, что приведенные положения являются в большей степени лишь гипотезами, построенными на основе миросистемного подхода, и требуют дальнейшего уточнения и проверки. Однако на сегодняшний день существуют исследования, которые на основе эмпирических данных (но вне рамок миросистемного подхода) показывают, что уязвимыми перед глобальным терроризмом общества делает не форма их политического режима, а их политические системы, которые связаны с международной политикой и проявляют в ней активность. Страны, реализующие изоляционистские проекты, подвержены опасности атак со стороны международного терроризма в меньшей мере [Savun, Phillips, 2009].

Микроуровень социосферы позволяет сосредоточиться на личности террориста, его мировоззрении, поведении, уровне образования, малых боевых террористических группах, их связях с социумом, включая представителей СМИ. Анализ взаимосвязей СМИ и терроризма на более высоких уровнях показывает усиление контроля над СМИ со стороны государств. Даже общества, которые декларируют и реализуют принцип свободы слова, после 11 сентября 2001 г. вынуждены поднимать проблему контроля выпускаемого новостного контента СМИ. В результате благоприствование СМИ целям терроризма снижается. Однако в связи с развитием технологий формируется альтернатива крупнейшим новостным СМИ. У террористических групп появляются новые средства, позволяющие доносить информацию о своих действиях до населения. Такими средствами становятся социальные сети и видеохостинги. Современные технологии позволяют любому человеку стать «журналистом» и при наличии ноутбука, камеры, беспроводной связи вести репортаж с места события. А. Аль-Раби и Д. Грошек, изучив деятельность ИГИЛ (запрещена на территории РФ) в Твиттере на арабском языке, отметили следующие цели использования террористами социальных сетей: поиск легитимности (посредством озвучивания мотивов); поиск финансирования; вербовка новых членов; проведение медийной войны с противниками (включая подобные, но противоборствующие религиозные или террористические группы) [Al-Rawi, Groshek, 2018, pp. 3-4]. Нельзя сказать, что цели террористических групп изменились с переходом в социальные сети, но очевидным является изменение механизма их общения с аудиторией. Социальные сети, в отличие от СМИ, дают возможность контакта между террористом и адресатами, на которых направлено сообщение. Поскольку социальные сети являются новым явлением, в науке пока не сложилось общего представления о роли социальных сетей в разжигании терроризма. Однако в общей массе публикаций есть ученые, которые утверждают, что «социальные сети можно использовать для уменьшения насилия и политической поляризации». Социальные сети могут выступать «платформой для дискуссий» [Asongu, Nting, Izegbua, 2019, p. 4]. Если рассматривать социальные сети в таком ключе, то соответственно следует ставить вопрос о подготовке профессиональных переговорщиков, которые смогут на этих площадках работать. Необходимы структуры и службы для их поддержки, а также способность государства и общества снижать уровень политической поляризации. Очевидно, что такая форма работы не будет иметь абсолютного успеха, например, можно предположить, что она не будет иметь

значимого эффекта в борьбе с международным терроризмом, снизить политическую поляризацию, достигшую уровня террористической активности, будет сложно и в периферийном обществе.

Проведенный анализ не может претендовать на полноту, но попробуем зафиксировать основные выводы (рис. 1).

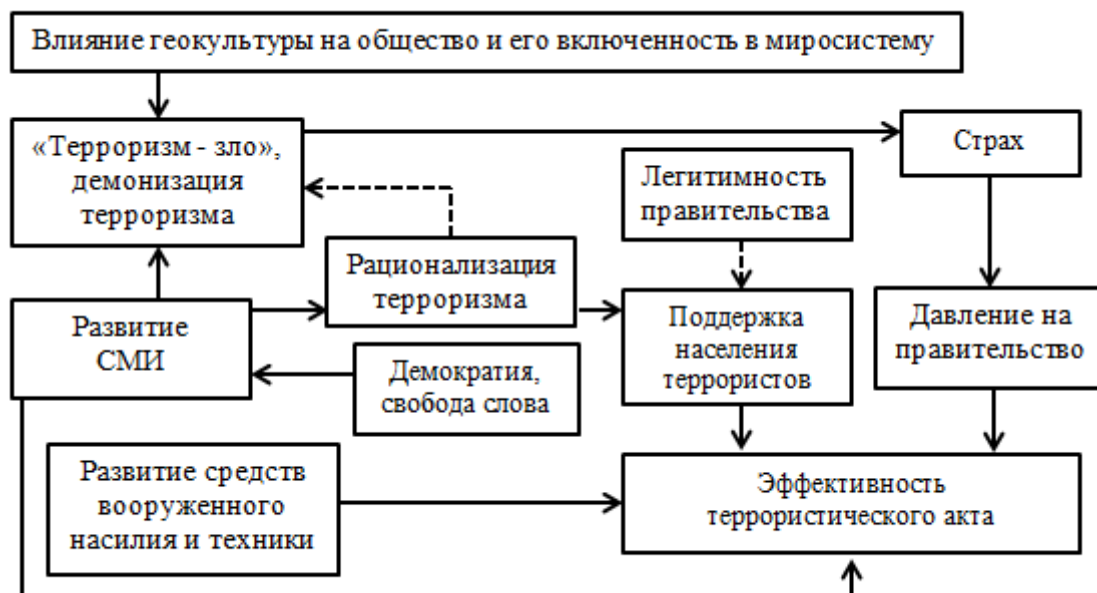

Рис. 1. Эффективность антисистемного террористического акта и просистемные СМИ
(—> – положительная связь; - - -> – отрицательная связь)

История развития элементов биотехносферы терроризма показывает, что средства вооруженного насилия и СМИ являются необходимыми условиями террористической деятельности. Террористы стремятся осваивать и использовать передовые, пригодные для соответствующих целей технологии. Террористические организации могут иметь собственные СМИ, но наиболее широкую аудиторию они получают, попадая в новостные сообщения просистемных телеканалов и печатных изданий. Анализ культуросферы показал, что просистемные СМИ, с одной стороны, защищая ценности геокультуры включенных в миросистему обществ, стигматизируют терроризм как зло, что в психосфере отражается как нарастание страха в общественном сознании. Страх вынуждает общество оказывать давление на правительство, что соответствует задачам терроризма. С другой стороны, просистемные СМИ вынуждены осуществлять рационализацию террористической деятельности в своих сообщениях, что ведет к появлению различных форм поддержки террористов со стороны отдельных членов общества или слоев населения, особенно в условиях низкой легитимности власти.

Список литературы / References

- Валлерстайн, И. (2020). *Анализ мировых систем*. М. УРСС.
Wallerstein, I. (2020). *World-Systems Analysis*. Moscow. (In Russ.)

Васенева, Е. В., Рябкова, А. С. (2017). Метафорическое представление концепта «терроризм» в мидийом дискурсе. [Электронный ресурс]. *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*. № 13. С. 14-19. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32382189_10831887.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

Vaseneva, E. V., Ryabkova, A. S. (2017). Metaphorical Representation of the Concept «Terrorism» in the Media Discourse. [Online]. *Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages*. no.13. pp.14-19. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32382189_10831887.pdf (Accessed: 15 March 2022) (In Russ.)

Изгарская, А. А., Лукьянов, Н. Е. (2021). Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования. *Дискурс*. Т. 7. № 6. С. 5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16

Izgarskaya, A. A., Lukyanov, N. E. (2021). Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research. *Discourse*. Vol. 7. no. 6. pp. 5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16 (In Russ.)

Розов, Н. С. (2002). *Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены*. М. Логос.

Rozov, N. S. (2002). *Philosophy and theory of history. Book. 1. Prolegomena*. Moscow. (In Russ.)

Тумаков, Д. В. (2018). Публикации иностранных журналистов в российских масс-медиа как источник по первой чеченской кампании 1994-1996 гг. *Известия чеченского государственного университета. Журнал региональной истории*. Т. 2. № 3. С. 87-187. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-5

Tumakov, D. V. (2018). Publications of foreign journalists in the Russian mass media as a source for the first Chechen campaign of 1994-1996. *News of the Chechen State University. Journal of Regional History*. Vol. 2. no. 3. pp. 87-187. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-5 (In Russ.)

Al-Rawi, A., Groshek, J. (2018). Jihadist Propaganda on Social Media: Examination of ISIS Related Content on Twitter. *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism*. Vol. 8 no. 4. pp. 1-15. DOI:10.4018/978-1-7998-2466-4.ch085

Asongu, S., Nting, R. T., Izegbua, S-M. (2019). Terrorism and Social Media: Global Evidence. *Journal of Global Information Technology Management*. Vol. 22. no. 3. pp. 208-228. DOI: 10.1080/1097198X.2019.1642023

Bahador, B. (2011). Did the Global War on Terror end the CNN effect? *Media, War and Conflict*. Vol. 4 no. 1. pp. 37-54. DOI: 10.1177/1750635210396123

Bányász, P. (2018). Social Media and Terrorism. *AARMS*. Vol. 17. no. 3. pp. 47-62. DOI: 10.32565/aarms.2018.3.3

Global Terrorism Index. (2023). IEP. Institute for Economics and Peace. 92 p. [Online]. Available at: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-web-1-1.pdf> (Accessed: 15 March 2022)

Hoffman, B. (2006). *Inside terrorism*. New York. Columbia Univ. Press.

Jetter, M. (2014). Terrorism and the Media. [Online]. IZA. *Institute of Labor Economics*. no. 8497. 55 p. Available at: <https://www.iza.org/publications/dp/8497/terrorism-and-the-media> DOI: 10.5860/choice.30-1902 (Accessed: 15 March 2022)

Kenechukwu, S. A., Asemah, E. S., Edegoh, L. O. N. (2013). Mass Media and Terrorism: Who Calls the Shots? *International Journal of Social Sciences and Humanities Reviews*. Vol. 4. no. 1. pp. 97-102.

Krueger, A. B., Malecková, J. (2003). Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. no. 4. pp. 119-144. DOI: 10.1257/089533003772034925

Laqueur, W. (1987). *The Age of Terrorism*. Toronto. Little Brown.

Laqueur, W., Wall, Ch. (2018). *The Future of Terrorism: ISIS, Al-Qaeda, and the Alt-Right*. New York. Thomas Dunne Books.

Lizardo, O. A., Bergesen, A. J. (2003). Types of Terrorism by World-System Location. *Humboldt J. of Social Relations*. Vol. 27. no. 2. pp. 162-192.

Omanga, D. (2012). Editorial Cartoons and the War on Terror in Kenya's print media. *Journal of African Media Studies*. Vol. 4. no. 1. pp. 75-98. DOI: 10.1386/jams.4.1.75_1

Perešin, A. (2007). Mass Media and Terrorism. *Medij. istraž.* Vol. 13. no. 1. pp. 5-22.

Peresin, A. (2007). Mass Media and Terrorism. *Media. Investigation*. Vol. 13. no. 1. pp. 5-22. (In Croatian)

Rapoport, D. C. (1984). Fear and Trembling: Terrorism in Three Religious Traditions. *American Political Science Association*. Vol. 78. no. 3. pp. 658-677. DOI: 10.2307/1961835

Rapoport, D. C. (2001). The Fourth Wave: September 11 in the History of Terrorism. *Current History*. Vol. 100. no. 625. pp. 419-424. DOI:10.1525/curh.2001.100.650.419

Rapoport, D. C. (2008). The International World as Some Terrorists have seen It: A look at a Century of Memoirs. *Journal of Strategic Studies*. Vol. 10. no. 4. pp. 32-58. DOI: 10.1080/01402398708437314

Rapoport, D. C. (2016). It Is Waves, Not Strains. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 28. no. 2. pp. 217-224. DOI: 10.1080/09546553.2015.1112278

Savun, B., Phillips, B. J. (2009). Democracy, Foreign Policy, and Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*. no. 6. pp. 878-904. DOI: 10.1177/002200270934297

Spencer, A. (2012). The Social Construction of Terrorism: Media, Metaphors and Policy Implications. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 15. no. 3. pp. 393-419. DOI: 10.1057/jird.2012.4

Wieviorka, M. (1993). *The Making of Terrorism*. Chicago. University of Chicago Press.

Wilkinson, P. (1997). The Media and Terrorism: A Reassessment. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 9. no. 2. pp. 51-64. DOI: 10.1080/09546559708427402

Сведения об авторах / Information about the authors

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Лукьянов Николай Евгеньевич – аспирант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2023

После доработки: 10.03.2023

Принята к публикации: 20.03.2023

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Lukyanov Nikolay – Postgraduate Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

The paper was submitted: 15.02.2023

Received after reworking: 10.03.2023

Accepted for publication: 20.03.2023